

INSPIRIA

Слоун Сент-Джеймс

Чернила и алхимия

Серия «Cupcake. Тату-салон. Хиты Слоун Сент-Джеймс», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74720376
ISBN 978-5-04-257318-7

Аннотация

Дарк ромком и первая часть серии «Тату-салон. Хиты Слоун Сент-Джеймс» про разные парочки с тропами «вынужденная близость», «МГГ – владелец тату-салона», «МГГ с серой моралью», «сталкер».

В стенах тату-салона чернила въедаются глубоко в кожу, а его прикосновения отпечатываются в памяти навсегда.

Келли всегда знала, что Логан – тот, на кого можно положиться. Для девушки он лучший друг, наставник и опора… а еще Логан чертовски привлекателен, но это неважно, ведь между ними нет ничего, кроме дружбы. К тому же, они вместе работают в тату-салоне «Черный кролик», где каждая татуировка рассказывает историю, а искусство оставляет след не только на коже, но и в сердцах.

Годами Логан ждал подходящего момента, но теперь, когда у Келли появляется скучный бойфренд, он не хочет пускать все на

самотек. И пока Логан манипулирует, саботирует и постепенно разрушает отношения пары, Келли замечает, что ее новый парень не сравнится с тем, кто всегда был рядом.

Игривая дружба Келли и Логана перерастает в запретную страсть, и девушка наконец понимает, что влюбляется в него без памяти. Но в этот момент Келли начинает получать анонимные сообщения с информацией, которую о ней могли знать только близкие… включая Логана. Он клялся защищать ее, но что, если именно Логан тот самый сталкер?

«Фанаты тропа "от дружбы до любви", ликуйте, эта книга смесь страсти, безудержной и глубокой любви, дружбы, что зарождалась годами, и, конечно же, искрометного юмора! Непростая и такая забавная история Келли и Логана вас покорит, так что бабочки в животе гарантированы». – Кащеева Дарья, _book.nook__, книжный блогер

Содержание

Пролог. Логан 6
Глава 1. Логан 11
Глава 2. Келли 28
Глава 3. Логан 38
Глава 4. Келли 49
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Слоун Сент-Джеймс
Чернила и алхимия

Of Ink and Alchemy
Sloane St. James

Copyright © Sloane St. James 2026
Cover by Yessy Baeza

© Ускова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Пролог. Логан

– Ох. – Конни, секретарша суда, замерла, вглядываясь в листок у себя в руке. Ярко-красная оправа очков идеально сочеталась с помадой, оставившей след на ее зубах. Где-то в дальней части офиса надрывался телефон.

– Что-то не так?

– Действующий военнослужащий? – уточнила она.

– Никак нет, мэм.

– Тогда мне нужны права или подтверждение места жительства.

Я достал бумажник и вытащил из потертого кожаного кармашка новенькие права. Там значился адрес квартиры, которую я недавно купил, спустив остатки наследства и все сбережения. Оно того стоило. Женщина взяла удостоверение, поджав губы. *И чего она? Сомневается или просто любопытствует?*

Я облокотился на стойку:

– Слышал, ваш брат продает «Камаро». Покупатель уже нашелся?

Она склонила голову набок, пытаясь припомнить мое лицо.

– Пока нет.

– Надо будет ему звякнуть. Желтый – мой любимый цвет.

Когда пару недель назад я заходил за бланком, то краем

уха услышал, как она рассказывала коллеге, что ее брат Джером продает свою любимую машину.

– Да… уверена, он будет рад поболтать на эту тему.

– Еще бы, – усмехнулся я. – Джером и с кирпичной стеной разговорится.

Она звонко рассмеялась и расслабила плечи.

– Это уж точно!

Почему бы не пойти ва-банк?

– А вы слышали, на Сто девяносто первой еще одну «Виллидж Памп» хотят поставить?

Она присвистнула и закивала:

– Ага, слышала.

– Клянусь, они как мафия, – буркнул я, с каждым словом завоевывая все больше доверия. – Еще и кучу отелей пихают, куда ни плюнь.

Быстро оглянувшись, она подалась вперед и понизила голос:

– Они в последнее время все подряд скупают.

– Всегда говорил: это казино под видом заправок, – ответил я, поставив на стойку второй локоть и наклонившись ближе.

– Ну, когда на весь город только у тебя есть лицензия на алкоголь…

Я хмыкнул.

– Не дай бог услышат, Конни. Вам несдобровать.

Она снова рассмеялась и вернула мне права – уже с улыб-

кой. Снова увидев помаду на ее зубах, я еле сдержался, чтобы не провести языком по своим.

– Так, остальные документы при вас? Представителя нашли?

Я пододвинул папку. Она открыла ее и с профессиональной сноровкой пролистала бумаги: копия *ее* водительских прав – я стянул их из сумочки пару месяцев назад, – официальный бланк, бумаги Тора и, наконец, идеально подделанный аффидевит[1]. Я пару недель корпел, доводя до совершенства *ее* почерк, и теперь выводил заглавные G и Y точь-в-точь как она. Мне не впервой подделывать документы. И, конечно же, все завизировано нотариусом – точнее, Каспером, который ждет в машине снаружи.

– Ну надо же, какой организованный!

– О, что вы, Конни. Это *она* организованная. А я так, мальчик на побегушках.

Женщина снова рассмеялась и, развернув ко мне один из формуляров, сказала:

– Поставьте инициалы.

Я поставил.

Она указала на другую строчку.

– Распишитесь.

Я расписался.

Она взяла со стола автоматическую печать, пристроила

[1] Аффидевит – письменное заявление, подтверждающее факты, которые были представлены в письменной или устной форме, и подписанное под присягой.

поверх бумаг и нажала; раздался механический щелчок.

– У вас есть сто восемьдесят дней, чтобы…

– О, я ни за что не пропущу. Мы с представителем явимся во всей красе.

– Прекрасно. – Она еще раз сверила мое имя и протянула документы. – Что ж, Логан, я подам документы, и можете считать, что все готово.

Я взял бумаги – впервые за сегодня с чистой совестью, потому что подделывать их не пришлось, – сложил вдвое и убрал во внутренний карман пиджака.

– Отлично, спасибо, Конни. Берегите себя.

Кивнув ей, я добавил:

– И передавайте привет Джерому.

Она широко улыбнулась:

– Обязательно!

Я развернулся и вышел. Над хребтом Бриджер низко висели облака; заснеженные вершины прятались за предвесенней дымкой. Я глянул на часы: до вылета домой еще пара часов. Хорошо, а то я успел проголодаться и надеялся перекусить перед дорогой.

Из выхлопной трубы арендованной машины, ждущей у обочины возле суда с заведенным двигателем, вырывались клубы белого пара. Каспер сидел за рулем, уткнувшись в телефон. Я открыл дверцу и проскользнул на подогретое сиденье.

– Давай перекусим где-нибудь, – сказал я.

– Все путем? – спросил он, не отрываясь от экрана.

– Порядок.

Кивнув, он убрал телефон в карман куртки, переключил передачу, и мы тронулись.

Глава 1. Логан

– Сегодня задержишься?

Уперев руки в бока, она потянулась и хрустнула спиной; рабочий день выдался долгий. Семь вечера, время закрываться. Лучи заходящего солнца проникали через два больших окна по бокам от входной двери, наполняя салон теплым светом. Она усмехнулась:

– Чего это я спрашиваю? Конечно, задержишься.

Хмыкнув, я вернулся к чтению почты, которая разрывалась от вопросов: когда откроется запись к мастерам и нельзя ли сделать исключение. Я был готов брать заказы и в выходные, если клиент согласен платить в полтора раза больше моей обычной ставки.

– Я тут подумывала заказать еду… Будешь? – спросила она.

Я поднял взгляд: она стояла, облокотившись на стойку и подперев подбородок руками. Хлопала ресницами, сверкала ярко-зелеными глазами и дарила мне полную надежды улыбку.

Уголок моих губ дернулся вверх, и я вздохнул.

– Да, наверное, – буркнул я, продолжая строчить ответы надеющимся на запись клиентам.

Мог бы заниматься этим и у себя в кабинете, но она только что закончила с последним посетителем, так что я подменял

ее на стойке до закрытия.

Сейчас я делаю тату только четыре дня в неделю, но все равно торчу здесь почти безвылазно – нужно следить, чтобы все шло как надо. Я унаследовал салон почти пять лет назад, но так и не научился соблюдать баланс между работой и жизнью. Наверное, уже и не научусь. Может, когда-нибудь я найму управляющего, но это должен быть человек, которому буду доверять. А я не уверен, что вообще способен настолько кому-то довериться и отдать бразды правления. Слишком многое поставлено на карту, я не имею права рисковать.

* * *

Это не просто тату-салон. Это «Черный Кролик», студия Клайда Эверхарта. А стоящая передо мной женщина – его единственная дочь, Келли.

Обогнув стойку, она заглянула мне через плечо.

– Эй, ты что, разбираешь почту? Это моя работа, давай проваливай.

Она прогнала меня и плюхнулась в кресло, где я только что сидел.

Келли только заканчивает обучение, и раньше почта входила в ее обязанности. Но вообще-то со вторника по субботу, в наши рабочие дни, за стойкой стоит Франческа – *Фрэнки*. Я взял ее около восьми месяцев назад: отвечать на звонки и записывать на прием. С ней тут идеальный порядок. Толь-

ко смена у нее заканчивается в шесть, так что все, что после шести, – на мне или Келли.

– Но сначала я закажу ужин, – объявила Келли, доставая телефон.

– Оформи как расходы салона, – сказал я.

Она развернулась в кресле, сияя улыбкой:

– Не волнуйся, так и сделаю.

И снова отвернулась.

Пока она листала рестораны в приложении доставки, я стоял у нее за спиной.

В верхней части экрана всплыло уведомление.

Джейсон
Привет, красавица. Как день?

Она взвизгнула.

Вот же черт.

– Обожаю, когда он пишет и спрашивает, как прошел день, – сказала Келли, открывая переписку и печатая ответ.

– Ага, Хаос, его галантность просто не знает границ, – проворчал я. Она даже не услышала.

Я не мог на это смотреть, так что отошел и принялся вскрывать коробки из утренней поставки. Эта женщина занимала в моей голове слишком много места, особенно если учесть, что теперь у нее появился новый парень. Она зря тратила на него время. Он понятия не имел, как обращаться с такой женщиной, как Келли Эверхарт.

Келли – метр пятьдесят семь чистейшей очаровательной

дерзости: черные волосы, черный лак на ногтях, татуировки на руках и пирсинг сосков, который иногда просвечивает сквозь одежду, словно дразня меня. Не говоря уже о ее пышных бедрах и ляжках, в которые так хочется впиться зубами. *Джейсон, везучий ты сукин сын.*

Она добрая и нежная, всегда следит, чтобы все вокруг чувствовали себя хорошо. Но будь моя воля, ее потрясающие улыбки доставались бы только мне.

Джейсон – самый пресный хрен из всех, кого я только встречал. К несчастью, за эти годы у нее было столько клоунов, что его заурядные замашки – вроде вопросов *«как день»* – превратились в ее глазах в невесть какие романтические жесты. Понятия не имею, что она в нем нашла. Он – ходячая простуда на губе: раздражает и, надеюсь, так же быстро проходит.

Келли хихикала, глядя в экран, а я закатил глаза, вытаскивая из коробок упаковки синих салфеток.

Они встречаются всего полтора месяца. Рано или поздно она прозреет. А до тех пор я буду терпеливо ждать своего часа в роли лучшего друга. Наша близкая дружба дает мне особые привилегии, и этого пока достаточно. Грань, за которой «просто друзья» становятся чем-то большим, я ни разу не переступал – по крайней мере, наяву. Я почти уверен, что она видит во мне старшего брата. Или, хуже того, второго отца.

– Так, берем буррито, – объявила она.

Келли откинула голову за спинку кресла, почти вверх тормашками, и, приоткрыв пухлые губы, взглянула на меня снизу вверх.

– Что ты будешь?

Твою голову, вот так же свисающую с края моей кровати, пока я трахаю твой миленький ротик.

До меня долетал запах ее духов. Встретившись с ней взглядом, я снова уставился на эти чертовы губы. Представил, как беру ее за подбородок и крепко целую. Какая она на вкус? Ненасытная и жадная или застенчивая и покорная? Ее губы такие же мягкие, какими я их себе воображаю?

– Мне нужно все это разобрать. Закажи то же, что себе.

Я отступил на пару шагов, чтобы не совершить какую-нибудь глупость.

– Ты даже не знаешь, что я закажу, – парировала она, пока я поднимал оставшиеся коробки.

– Карне асада[2], фасоль, рис, кинза, лайм, лук, сальса, – бросил я на ходу через плечо.

Она рассмеялась:

– Ненормальный!

Как будто мы за это время не съели достаточно буррито, чтобы я запомнил ее заказ. Хотя, говоря откровенно, я запомнил его с первого же раза.

В подсобке поставил коробки на полку, глубоко вздохнул,

---

[2] Карне асада – традиционное мексиканское блюдо. Говядина, запеченная на гриле и нарезанная тонкими ломтиками.

опустил голову и встряхнулся. Мы дружим уже много лет и, как друзья, многое друг о друге знаем. Но в том, что я к ней чувствую, нет ничего дружеского.

Мы познакомились, когда она была еще подростком и вечно торчала в салоне – эдакая младшая сестренка-чудачка. Так как она была дочерью Клайда, то получила прозвище Младшая. Еще двое наших тату-мастеров, Каспер и Тор, до сих пор так ее называют. Ей подходит.

Своими дурацкими шутками и странными выходками Келли заставляла меня улыбаться. После того как она уехала из Миннесоты в художественный колледж в Нью-Йорке, я продолжал учиться у Клайда и изредка видел ее во время каникул и праздников.

Настоящая дружба между нами завязалась только после того, как она окончила учебу и вернулась домой. Я только что вышел из токсичных отношений, которые чуть не поставили крест на моей карьере, и, хотя Келли была на шесть лет младше, за эти годы она сильно повзрослела.

В художественном колледже Келли отточила свой природный талант и вернулась домой, заметно прибавив в мастерстве. Живя на восточном побережье, она заодно выучилась на пирсера и затем уговорила Клайда разрешить ей работать в «Черном Кролике». Уговорить его было нетрудно: он всегда гордился своей дочерью, и заслуженно. Келли отличный пирсер, но когда в ее руках карандаш или ручка – тут она раскрывается по-настоящему. Поэтому Клайд почти сразу

же начал обучать ее татуировке.

Несмотря на то что ей был всего двадцать один год и ее наставником стал отец, она понимала ценность этой возможности и прилагала все усилия, чтобы отточить технику. Келли, может, и порхала по жизни беззаботно, как лист на ветру, но когда дело касалось искусства, спуску не давала никому – и себе в первую очередь.

Когда мы с ней работали в одну смену, в салоне всегда царила особая атмосфера. Клайд души в ней не чаял. Мы болтали обо всем: о любимых художниках, о татуировках, о всякой ерунде. Эта дружба стала для меня глотком свежего воздуха. На фоне ее золотого сердца мое казалось совсем тусклым и черным, и при этом у нее была та же творческая жилка, что и у Клайда. Я вдохновлялся, наблюдая, как раскрывается ее талант. Ее стиль обрел ту красоту, что напоминала ранние работы ее отца.

Через пару месяцев после возвращения я начал смотреть на Келли иначе. Замечать то, на что раньше не обращал внимания: родимое пятнышко на затылке, то, что настоящий цвет ее волос – теплый каштан, а не черный, в который она красится каждые две недели, или то, какое буррито она заказывает. Именно тогда я перестал называть ее Младшей и начал звать Хаосом. Потому что Келли и стала моим личным хаосом. Каким-то образом девчонка, которая когда-то была мне как младшая сестра, вернулась из колледжа совсем другой женщиной. Уверенная, талантливая, красивая – от нее

голова шла кругом.

Видимо, мне и тогда не удавалось это скрывать. Потому что я никогда не забуду день, когда Клайд запер меня в своем кабинете.

– Что у тебя с Келли? – спросил он, прикрывая за собой дверь.

– В смысле?

Я сам задавался этим вопросом уже несколько недель.

– Я видел, как ты на нее смотришь… Может, ты и считаешь, что ведешь себя скрытно, но ты так же незаметен, как выстрел из ружья.

– Стареете, Клайд, вот и мерещится всякое. – Я отвел взгляд, усмехнулся и попытался сменить тему. – Слушайте, у меня тут пара вопросов по документам, которые должен был подать Билли. Может, обсудим сегодня?

Он смотрел на меня в упор, и, чтобы выдержать этот взгляд, я собрал всю свою решимость. Наша немая дуэль, казалось, длилась целую вечность, но когда он решил, что я намучился достаточно, то заговорил:

– Дай ей сначала повзрослеть, понял?

Старый хрыч был чертовски проницателен, этого не отнять.

Он кашлянул пару раз, прочищая горло. За последние пару недель его кашель стал куда хуже.

– Она слишком молода и не готова к такому, как ты.

«К такому, как ты». Не «старше», не «непохожему на нее», а именно «такому, как я». Я приподнял бровь и скрестил руки на груди. И что это, черт возьми, должно значить?

– Не смотри на меня так. Сам знаешь: в тихом омуте черти водятся.

Я покачал головой:

– Меня не интересует ваша дочь.

В свете неоновых ламп в его глазах блеснуло что-то похожее на слезу. Вот это да. Кажется, я впервые видел Клайда Эверхарта растроганным.

– Я не всегда буду рядом. Мне нужно, чтобы ты за ней присматривал. Судя по этому разговору, к тому времени, как ты будешь готов это признать, от меня уже останется горстка пепла. Но когда этот день настанет… будь с ней добр. Пообещай мне, что дашь ей самой сделать выбор.

– Клайд…

Дрожащей рукой он схватил меня за рубашку и рванул вниз, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– И если ты разобьешь ей сердце, я выползу из царства мертвых, утащу тебя за собой в ад и буду наслаждаться твоими бесконечными страданиями.

Он убрал руку и вышел за дверь, оставив меня стоять посреди кабинета в полном одиночестве.

– Обещаю.

Мы сидели друг напротив друга в моем кабинете и ужинали. Честное слово, в компании Келли еда становится вкуснее.

– Я доделала эскиз для конвента в Бозмене. Хочешь глянуть? – спросила она.

Я кивнул, прожевывая кусок. Еще бы.

Келли взяла со стола планшет, коснулась экрана, пролистнула пару раз и протянула мне через стол. Когда я взял его, она вернулась к еде, а я отвернулся, чтобы не видеть, как ловко ее рот справляется с огромным буррито.

Сглотнув, я поправил очки и принялся разглядывать рисунок. Реализм. Я чувствовал ее взгляд на своей коже, пока изучал парящего в невесомости астронавта. Поза передана потрясающе – легкая, невесомая. Напротив астронавта застыл глубоководник. Мои губы растянулись в улыбке.

– Расскажи о рисунке, – попросил я, не отрывая от него взгляда.

– Я думала о папе. Мне хотелось передать ощущение, когда ты застрял между мирами, потому что иногда я чувствую именно это. Будто мы все еще вместе, но оказались в разных измерениях.

Я громко выдохнул и мельком взглянул на нее.

– А теперь посмотри в их шлемы…

Раздвинув пальцами экран, я увеличил изображение и рассмотрел шлем астронавта – она добавила туда отражение шлема глубоководника. И наоборот.

– У тебя уже есть модель?

Уверен, найти желающего стать холстом для этой работы было нетрудно.

– Ага, она как раз из Бозмена. Мы сделаем один рисунок на левом бедре, другой – на правом, лицом друг к другу… Я думала разместить их на одной части тела – может, больше очков заработала бы, если пришлось бы огибать ногу или что-то такое. Но мне нравится идея, что расстояние между ними будет меняться в течение дня; когда она идет, когда стоит… В общем… Как тебе?

Я поднял глаза. Прикусив губу, она переводила взгляд с экрана на меня и обратно. Мне безумно нравилось, как работает ее мозг. Увеличивая и уменьшая разные участки, я разглядывал детали и игру теней.

– Это потрясающе, Келли.

Ее губы медленно расползлись в улыбке.

– Правда?

Я тоже улыбнулся и, когда она протянула руку за планшетом, отдал его.

– Мне нравится. Это покажет твой уровень. Главное – сделать чистые линии и аккуратные тени, тогда будет смотреться отлично.

– Я волнуюсь. Реализм – это сложно. И тут нет лиц. Победители почти всегда рисуют лица. Может, мне сделать что-нибудь попроще и пойти в одну из младших категорий?

– Ты делаешь это ради отца?

Она кивнула.

Я ткнул пальцем в ее планшет:

– Значит, делай для отца.

Я уверен: если выставить в ряд пятьсот татуировок, ее работу я узнаю с первого взгляда. У Келли уникальный стиль. Выразительный. Четкий. Смелый, но в то же время какой-то нежный и всегда с фантазией. Клайд в своих эскизах тоже был дерзким – это у них общее. Он был человеком немногословным, но радость от работы чувствовалась в каждом его рисунке.

– Придумала уже эскизы для каталога?

Каждый из нас готовил несколько листов эксклюзивных эскизов для Бозмена. Ограниченное количество дизайнов помогает рассчитать время на каждого клиента и вписать в график больше людей.

Кивнув, она прожевала и проглотила новый кусок.

– Ага, думаю сделать кентавров в стиле вестерн. Вроде ковбоев и ковбойш, только наполовину лошадей. Понимаешь?

Как я и сказал – с фантазией.

– Очень круто, – ответил я, усмехнувшись. – Будешь сегодня их отрабатывать?

– Не, сегодня надо спросить у шляпы.

Шляпа – это одна из старых бейсболок Клайда, которую она держит у меня в кабинете. Внутри куча маленьких смятых бумажек, на каждой из которых написан стиль татуиров-

ки и тема. Келли тянет наугад и использует выпавшее как отправную точку, чтобы не мучиться с выбором. Довериться судьбе – это очень в духе Келли. Она увлекается кристаллами, Таро и прочей ведьмовской ерундой. Иногда это бесит, но в этом есть и свой шарм.

Когда я был учеником Клайда, он заставлял меня отрабатывать кучу разных стилей, прежде чем я определил свои: олдскул, ч/б, блэкворк и, к моему собственному удивлению, сюрреализм. Последний давался мне тяжело. Поначалу меня бесило, что Клайд учил меня тому, чем я вообще не собирался заниматься профессионально. Мне нравились *его* работы, и я хотел, чтобы он научил меня *своему* стилю. Но он быстро осадил меня, сказав, что никто никогда не будет делать татуировки в точности как он, как и никто не будет делать их как я. И каждый художник обязан найти свой путь сам.

Искусство – это путешествие, его нельзя загнать в рамки. Освоение разных техник и стилей делает меня более разносторонним художником. И он оказался прав. Черно-белая техника научила меня плавным переходам теней, олдскул – построению рисунка и силуэту, японский стиль – композиции, реализм – работе со светом и тенью. Именно тогда я открыл для себя страсть к живописи. И я собирался учить Келли так же, как ее отец учил меня.

Я наклонился, взял шляпу за поля и протянул ей, чтобы она вытянула бумажку. Келли устроила целое представление – одной рукой заслонила глаза, а другой ухватила и вытащи-

ла сразу три листка.

Раз: Анатомия

Два: Еда

Три: Гравюра

– Сердца.

Я покачал головой. Она нарисовала уже сотни анатомических сердец.

– Черепа, – парировала она.

– Нет.

Келли и сама знала, что ей нужно отрабатывать.

Она застонала:

– Но я ненавижу руки!

– Может, если будешь чаще практиковаться, они перестанут казаться чужими, – произнес я на языке жестов.

Я с детства владел языком жестов, и в какой-то момент Келли попросила научить и ее, потому что хотела сделать наш салон более инклюзивным. Она по натуре болтушка и хочет иметь возможность общаться со всеми. Конечно же, я с удовольствием обучал ее в свободное время.

– Ненавижу руки, – ответила она жестами с кислым выражением лица и, помедлив, добавила: – Суставы всегда выглядят дерьмово.

Хватит ныть, работай.

Моя мать была глухой. Она погибла под колесами пьяного водителя, но я никогда не бросал практиковать язык жестов. Именно она научила меня ему. У нас было несколько глухих

клиентов, поэтому я подталкивал к изучению и остальных мастеров. Даже Клайда немного научил. В любом случае это полезный навык. Келли схватывала на лету, и многое запоминала, просто наблюдая, как общаюсь я сам. Остальное мы добирали уроками. Или тем, что я заставлял ее в обычных разговорах говорить и одновременно показывать жестами.

У нее пиликнул телефон, и, взглянув на экран, она расплылась в улыбке. Господи, что этот парень такого пишет, что она кажется настолько влюбленной?

– Что на этот раз? – спросил я.

– Джейсон, – вздохнула она мечтательно. *Господи, вынесите меня отсюда*. – Не знаю, просто он мне очень нравится. Такой милый парень. Приятно, что после смерти папы появился кто-то, с кем я чувствую себя нужной. И кто знает, может, из этого выйдет что-то серьезное. Понимаю, звучит безумно, но…

– Не *звучит* безумно, а безумно и есть. Вы встречаетесь всего месяц.

Я впервые слышал, чтобы Келли говорила о ком-то в серьезном ключе. Обычно она просто встречалась без обязательств, ну или я успевал припугнуть парня прежде, чем он решался чего-то себе надумать. Я давал ей перебеситься, потому что, когда она станет моей, обратно я ее не отпущу. Та выдержка, с которой я вообще позволял ей ходить на свидания с другими мужиками, – просто невиданная щедрость. И все из-за гребаного обещания, которое я дал ее отцу, ко-

торого я, к несчастью, очень уважаю. Моему терпению пора ставить памятник.

– Шесть недель, – возразила она.

У меня свело челюсть.

– Тебе всего двадцать пять.

– Скоро двадцать шесть. Половина моих одноклассниц уже помолвлены или замужем…

Замужем? Она серьезно?

– И что с того? – рявкнул я. – Ты правда думаешь, что готова остепениться с кем попало?

Она вздрогнула, но ее глаза не переставали блестеть. Твою мать. Неужели я прошляпил? Неужели она и правда начала испытывать чувства к этому ходячему образцу посредственности?

– Я не говорю, что собираюсь обменяться с Джейсоном клятвами. Просто хочу чего-то более серьезного. Мне кажется, я нагулялась, и пора двигаться дальше. Не то чтобы я уже совсем созрела, но у этого парня есть… не знаю… потенциал. Мне пора повзрослеть, понимаешь?

– Если хочешь остепениться – отлично. Но с этим типом у вас ничего не выйдет.

Что ж, Клайд, я подождал. Келли, может, и любит полагаться на судьбу, но здесь ниточки в моих руках. Я слишком много вложил. Я дал ей свободу, но то, что я позволил ей бродить, не значит, что я позволю ей заблудиться.

– Откуда тебе знать?

Я фыркнул.

– Потому что я тебя знаю. Ты видишь его таким, каким сама хочешь видеть. Это не любовь, Келли. Это самообман. Если за любовью приходится гоняться, то какая же это любовь?

Знать, что она хочет остепениться, – это все, что мне нужно. Было бы попросту жестоко стоять в стороне и смотреть, как она ищет то, что я берегу для нее. Любовь – не то, за чем нужно гоняться.

У нее снова пиликнул телефон, и она улыбнулась экрану.

– Я сказала ему, что мне нужно работать. Он дуется.

Дуется?

– Трехлетки дуются, Хаос.

Этот парень просто клоун.

Закатив глаза, она перевела телефон в беззвучный режим и бросила на стойку.

Вот так-то, кусок дерьма. Дуйся сколько влезет. Твоя девочка сегодня со мной.

Глава 2. Келли

– Ты все еще встречаешься с тем парнем с дурацкой стрижкой? – пробурчал Херб, доставая из холодильника кусок сыра.

Херб – мой сосед, ворчливый старый ветеран с мягким сердцем, крепким рукопожатием и голосом, которым его наградили виски, война и бессчетное количество сигарет «Пэлл Мэлл». Большую часть вечеров я работаю в тату-салоне, но раз в месяц мы собираемся у него дома и готовим ужин. Сегодня на очереди горячие сырные сэндвичи и томатный суп – одни из его любимых блюд.

Я перестала мешать запеченные помидоры и перцы, уже превратившиеся в однородную массу, обернулась и выдохнула:

– Его зовут Джейсон.

Он прекрасно знал, как зовут моего парня, просто язвил.

– И стрижка у него нормальная. Сейчас так модно.

– То есть мода сейчас – на дурацкие стрижки? – уточнил он.

Я закатила глаза:

– Не я выбираю тренды, Херб.

Папа всегда говорил, что Херб не выносит тишины. Мне нравятся наши ежемесячные разговоры. Хотя порой он и вел себя как сварливый старикашка, но в глубине души это са-

мый что ни на есть большой плюшевый мишка. Я знала его, сколько себя помнила. Он был лучшим другом отца на протяжении десятилетий. Херб – единственный, кто знал, через что проходил папа после смерти мамы, когда я была еще младенцем; их связало общее горе – оба вдовцы. Признали они это когда-нибудь или нет, но они были нужны друг другу.

– Это просто безобразие, – проворчал он. – Когда мы в свое время бегали за юбками…

– За *юбками*? Серьезно?

Он прокашлялся:

– Прошу прощения. За *дамами*.

То-то же.

– Раньше мы хотя бы знали, как прилично выглядеть. Понимали искусство ухаживания, и нам не нужны были эти чертовы телефоны и свайпы.

– Ну да, кому требуются приложения для знакомств, когда есть «Пони-экспресс», правда?

– Господи, как это тихоня Клайд вырастил такую болтушку? Слушай, раз уж заговорили о телефонах, помешивай пока, я попробую найти свой. Вечно теряю эту чертову штуку.

Я усмехнулась и продолжила мешать, а потом нарочно повысила голос, чтобы он услышал меня в соседней комнате:

– Если ты не можешь уследить за своим телефоном, мне придется купить тебе один из этих кулонов с кнопкой «Помогите!».

– Купить – купишь, а надеть меня не заставишь! – гаркнул

он в ответ.

Через пару минут он вернулся на кухню и с глухим стуком бросил на стол телефон в чехле размером с кирпич.

– А что там тот, другой парень, который вечно к тебе таскается? Логан?

Я усмехнулась. *Вечно таскается?*

– Этому «парню» тридцать два. И он не так уж часто у меня бывает.

– Парень, мужик, какая разница. – Он махнул рукой. – Этот мне нравится. А что с ним?

Я удивленно приподняла бровь:

– Ты про что?

– Я к тому, что, может, тебе стоит сходить с ним на свидание.

– У тебя уже склероз? Мы просто друзья. И потом, он мой начальник.

– Ну, это даже горячо.

Я поперхнулась от смеха:

– «Горячо»? Ты только что сказал «горячо»?

– А что, я теперь должен говорить только «здорово», «отлично» и «чудесно»? У меня раньше были подруги – и *горяченькие*, между прочим.

– Да уж, не сомневаюсь.

Я покосилась на фотографию в рамке, где он и папа сидят на дешевых красных садовых стульях с банками пива в руках. Такие молодые.

– Это чистая правда. Если бы твой папа был здесь, – Херб кивнул в сторону фотографии, которая привлекла мое внимание, – он бы рассказал тебе, каким я был Казановой.

Я усмехнулась, глядя в кастрюлю с густым оранжево-красным соусом.

– Если бы папа был здесь, он бы сказал, что ты заливаешь.

Как же мне хотелось заглянуть в их бурную молодость! Папа так и не женился во второй раз – для него существовала только мама, никто больше. А вот Херб после смерти жены с головой ушел в холостяцкую жизнь.

– У меня были отличные подкаты, даже Клайд это признавал.

Я убавила огонь под кастрюлей и, уперев руки в бока, развернулась к Хербу.

– Ладно, давай послушаем. Какая была твоя коронная фраза? «Привет, я Херб. Я пережил оспу»?

– Эй, я писал им стихи. Как джентльмен.

Несмотря на свой суровый вид, он романтик. Читала кое-что из его творчества – словарный запас и правда убийственный.

Я отошла в сторону, чтобы Херб мог попробовать суп и решить, чего не хватает. В готовке он был дотошен.

– Ладно, поэт, не буду спорить.

Он довольно улыбнулся, добавил еще соли, потом копченой паприки. Я облокотилась на столешницу, подперла подбородок руками и наблюдала, как он колдует.

– Не случалось писать одно и то же стихотворение разным девушкам?

Его молчание говорило само за себя.

Я расплылась в улыбке до ушей:

– Проказник!

– Попался всего один раз. Я же не знал, что они знакомы. – Он приподнял брови. – А теперь давай вернемся к твоему дурному вкусу на мужчин. Просто хочу сказать, что Логан кажется более подходящим вариантом.

Я застонала. Он так говорил только потому, что у Джейсона нет татуировок. Но мы с Логаном – тату-мастера, это совсем другое дело.

– Логан вообще ни с кем не встречается.

– Да ну, ерунда, – прохрипел он, открывая банку с кайенским перцем.

– Серьезно! И это, кстати, обидно, потому что он мог бы выбрать любую.

Когда Херб закончил добавлять в суп специи, я снова взялась мешать, а он прошаркал к разделочной доске, взял зубчатый нож и свежую буханку заквасочного хлеба, который испек утром.

– И тебя тоже? – спросил он.

Я закатила глаза:

– Когда мы с Логаном только познакомились, мне было шестнадцать, а ему двадцать два. Я сразу в него влюбилась. А как иначе? Ты ж его видел.

– Де-евочка.

Я усмехнулась, услышав, как он передразнивает моих подруг.

– Мы работали вместе почти каждый вечер. Я помогала в салоне после школы: убиралась, выполняла всякие поручения от отца. А он был его учеником, так что мы оказались в одной лодке. – Я улыбнулась воспоминанию. – Знаешь, Херб, два года я практически жила в этом салоне.

– О, я наслышан. Клайд рассказывал, что ты за ним хвостиком бегала, как щенок. Говорил, твоя влюбленность была…

– Незаметная как выстрел из ружья, – закончили мы хором.

Я ухмыльнулась:

– В общем, перед отъездом в колледж я набралась смелости и спросила Логана, сможет ли он когда-нибудь увидеть во мне не просто друга.

– И что он сказал?

– Рассмеялся. Сказал, что я слишком молода для него и что ему, конечно, приятно, но *в этом смысле* я его совсем не привлекаю. Я для него как младшая сестра. Тогда я сделала вид, что пошутила, но мое подростковое сердце было разбито. Ох, как же это было больно…

Зная Логана таким, каким я знала его сейчас, этого стоило ожидать.

Херб пилил ножом корочку заквасочного хлеба.

– А когда спросила в следующий раз?

Что? Я склонила голову набок:

– В смысле? Я больше не спрашивала.

Херб раздраженно вздохнул.

– Так откуда ты знаешь, что он не заинтересован?

– Потому что он уже сказал нет, – повторила я.

– Ну конечно, он сказал нет! Ты же была ребенком!

Я рассмеялась:

– Поверь мне, он не заинтересован. Мы даже шутим иногда над моим подростковым признанием. Я не собираюсь снова открывать эту дверь. Оно того не стоит. К тому же я никогда не вижу его с другими женщинами.

Пока я жила в Нью-Йорке, расстояние притупило мои чувства, но, если быть честной с собой, до конца они так и не исчезли. Однако за эти годы я много работала над тем, чтобы обуздать любое… искушение, которое чувствовала к Логану.

– Ты ведешь себя глупо.

– Ладно, ладно. Допустим на секунду, что я действительно хотела бы от Логана чего-то большего, чем дружба. Что, если он снова скажет «ты меня не интересуешь», а? Он владеет «Черным Кроликом», Херб! Я же не смогу просто уйти из папиного салона. Эта неловкость останется между нами навсегда. Первый раз можно списать на подростковую влюбленность, но если мне откажут дважды – все, конец. Это убьет и наши рабочие отношения, и дружбу.

– А что, если он скажет: «Ого, Келли, да ты классная девчонка, и я бы с радостью куда-нибудь с тобой сходил»?

– Это все равно было бы странно. Работу и личную жизнь не смешивают. Все может обернуться катастрофой. Что будет, когда мы расстанемся? Опять же, я застряну в папином салоне с бывшим в качестве начальника. Забудь. Когда-нибудь я хочу стать владелицей «Черного Кролика» и не могу этим рисковать. Наверное, какая-то часть меня всегда будет думать о том, что могло бы быть. Но мы только друзья, и этого вполне достаточно. И потом, у меня есть Джейсон!

Я покачала головой. *О чем я вообще думаю, рассматривая эти гипотетические варианты, когда у меня есть парень?*

– То есть ты так и останешься просто другом и будешь всю жизнь гадать, «а что, если»?

В нем говорил безнадежный романтик.

– Да. Он всегда был мне только другом, им и останется.

Несмотря на все те ночи, что я когда-то провела, воображая большее…

– Иногда человек меняет твою жизнь удивительным образом, даже не занимая в ней того места, которое тебе хочется. Для меня такой человек – Логан. И меня это устраивает. Правда.

После смерти папы Херб присматривал за мной, но именно Логан взял на себя роль моей опоры. Тогда я поняла, что на него можно положиться в чем угодно. Он заботится обо мне, и я не знаю, что бы делала без этого… наверное, просто

не пережила бы те темные дни.

К счастью, новые отношения с Джейсоном, возможно, наконец-то положат конец этой упрямой детской влюбленности.

– Тебе с беконом? – спросила я, намазывая масло на хлеб на закваске и бросая щедрый кусок на горячую сковороду.

Он втянул воздух и шумно выдохнул, словно раздраженный моим ответом.

– Не, без. Мне же надо следить за холестерином… Добавь-ка еще масла.

– А как же холесте…

– Это молочный продукт, он полезен для костей. Ты хочешь, чтобы у меня начался остеопороз?

Я усмехнулась и кинула еще кусочек.

К тому времени, как мы сели за стол, у меня уже текли слюнки. Когда мы откусили от бутербродов, комнату наполнил громкий хруст поджаренного в масле хлеба.

– Черт возьми, – пробормотал он.

– М-м-м.

Я макнула уголок сэндвича в суп и откусила еще – расплавленный сыр и томатный суп с кислинкой смешались на языке. Божественно.

– Думаю, тебе стоит пригласить его на свидание.

Я уронила голову. Если он не перестанет молоть чушь, то испортит мне аппетит.

– Ты слишком много говоришь.

– А ты точь-в-точь как твой отец.

Я никогда не устану это слышать от его лучшего друга. Надеюсь, частичка папы всегда будет со мной.

– Я скучаю по нему, Херб.

– И я, мелкая.

Глава 3. Логан

Как обычно, я работал допоздна. Келли часто составляла мне компанию, но на этой неделе все иначе – ее почти не видно. На днях она ужинала со своим соседом через дорогу, а сегодня у нее свидание с ее придурковатым парнем. Обычно я спасался творчеством, но заказ мерча для предстоящего тату-конвента в Бозмене, в Монтане, – так себе отвлечение. Стикеры, подстаканники для банок, кепки… все любят халяву. Мне еще нужно сделать заказ на футболки и арендовать достаточно большой фургон, чтобы тот вместил нас и все наше оборудование. *Господи, я никогда отсюда не выберусь.*

Салон уже закрылся, но в дверь позвонили, отвлекая меня от работы. Я вышел из кабинета в основной зал. На улице стоял мой сводный брат Кэмден с упаковкой пива на шесть бутылок. У его ног сидела лохматая аляскинская овчарка и виляла хвостом. Вообще-то это собака его жены Джордан, но Кэмден тоже к ней прикипел.

Я отпер дверь и распахнул ее.

– Куриный Салат должна подождать снаружи.

Какое же дурацкое имя для собаки. В салон пускают только служебных животных. У нас слишком много всего, что нужно содержать в чистоте и стерильности, – нельзя, чтобы тут шастали собаки.

– И я рад тебя видеть. Я уже привязал ее здесь, на тротуаре. Только что забрал от родителей – они присматривали за ней, пока мы играли в Денвере.

– Келли лучше не говори, обзавидуется.

Келли обожает их собаку и иногда присматривает за ней, когда они уезжают из города.

– Заходи.

Я шире распахнул дверь. Интересно, чего это он так поздно.

– Хочешь поправить что-то в тату?

– Нет, вообще-то я зашел попросить об одолжении.

Отлично.

– Чего тебе надо?

– У нас скоро ежегодный гала-вечер в «Безопасном доме». – Это организация, которую Кэмден основал для помощи жертвам домашнего насилия. – Не поделишься каким-нибудь эскизом Клайда для аукциона?

Он обвел взглядом стену с оригиналами работ Клайда Эверхарта – его эскизами. Каждую татуировку Клайд рисовал от руки. Они висели здесь в память о нем, и иногда люди заходили просто сделать селфи на фоне его работ.

– Я сам оформлю его в раму, – пообещал он.

– Мне нужно сперва спросить у Келли.

Он нахмурился:

– Разве это не твой салон?

Дело не в том, чей это салон.

– Она трепетно к этому относится. Я не могу просто так раздавать работы ее отца, не спросив ее. Поговорю с ней. Если возражений не будет, я пожертвую двенадцать часов татуировки. Идет?

Он кивнул:

– Могу ей написать, если хочешь.

– Я же сказал, что сам, – жестко ответил я.

Он усмехнулся:

– Смотрю, ты не меняешься.

Я приподнял бровь:

– Нарываешься или просто язык чешется?

Кэмден играет в НХЛ, и, хоть я и выше, у него, наверное, килограммов на двадцать мышц больше. Он мог бы навалять мне, если б захотел, – на льду брат известный задира. Но даже в детстве Кэмден трусил со мной драться, так что теперь это стало частью нашего сводно-братского трепа.

По его лицу расползлась злобная усмешка:

– Всегда… Слушай, кстати, о Келли. Я сейчас близок к выигрышу в ставке на то, когда ты наконец решишься на шаг. Так что буду очень признателен, если сделаешь это в этом месяце.

Я моргнул:

– Есть ставки?

– Естественно!

– Кто в деле? – спросил я из любопытства.

– Мама, папа, Джордан, Хейли и Алексис.

Я люблю их, но у моих родителей, невестки и сводных сестер слишком много свободного времени.

Кэмден поднял ладони:

– Не убивай гонца.

Он глянул в окно на Куриный Салат, которая расслабленно разлеглась на боку. Ее живот мерно вздымался и опускался, она дремала.

Я закатил глаза:

– Так это все или как?

– Господи. Можно хоть на одну чертову секунду присесть и поболтать?

Я плюхнулся в одно из кресел в зоне ожидания. Он взял бутылку пива, открутил крышку и протянул мне. Потом открыл вторую себе.

– Итак… – начал он.

– Итак… – эхом отозвался я. Не знал, что сказать, но чувствовал – сейчас он заведет шарманку про Келли.

Кэмден сел напротив, уставился на меня и отхлебнул из бутылки.

Я смотрел в ответ.

– Ты понимаешь, что теряешь время? – спросил он.

Он вечно меня этим доставал. Без понятия, почему его так заботило, сойдемся мы с Келли или нет. Сегодня это бесило особенно сильно, потому что она была с Джейсоном, хотя должна сидеть здесь, со мной. Я не мог перестать представлять Келли в его постели, и меня это бесило.

Я поднес горлышко бутылки ко рту.

– Я выжидаю. Это другое, – сказал я перед тем, как отпить.

– Слышал, у нее новый парень.

Я фыркнул:

– Ага, полный придурок.

– Еще бы ты думал иначе. Он тебя подвинул, – сказал Кэмден. – Он ей нравится?

– Это имеет значение? – ответил я.

Он нахмурился:

– Ну, я бы сказал, это очень даже важно.

Я рассмеялся:

– Что смешного?

Я подался вперед, упершись локтями в колени.

– Нет такой вселенной, в которой мы в итоге не оказались бы вместе.

Кэмден покачал головой:

– Ах ты ублюдок. Я так и знал.

– Я просто ждал подходящего момента.

А недавно понял, что момент, мать его, настал.

Кэмден развалился в кресле, закинув руки на спинку дивана, будто у себя дома.

– Что ж, тебе лучше пошевеливаться. Келли – отличная девчонка. Если ей нравится этот парень, тебе следует сделать ход, пока они не слишком обустроились.

У меня свело челюсть.

– А что я, по-твоему, делаю?

Он качнул бутылкой в мою сторону:

– По-моему, ты сидишь и прикидываешь, как бы испортить ему жизнь.

Он не ошибался.

Кэмден глянул на лохматое чудовище за стеклом.

– Ты всегда можешь сделать то же, что и я…

– Мило, спортсмен, но я не играю в хоккей. И не могу просто выйти на лед и сделать громкое заявление.

Когда он так поступил с Джордан, все новости только об этом и трубили. Ходячее клише.

– Да иди ты. – Он ткнул пальцем в Куриный Салат. – Я про собаку, дебил.

Я усмехнулся:

– Не буду я дарить ей питомца.

– Почему нет? Я же подарил.

Я склонил голову набок:

– Не, Куриный Салат и так была Джордан. Ты просто вернул ей ее.

Он застонал:

– Ладно. Тогда заведи собаку. Да хоть какую-нибудь дворнягу подбери на улице, и Келли к тебе мигом прилипнет. Захочет проводить с собакой каждую минуту и, как следует из законов логики, – и с тобой тоже. Или… и послушай меня внимательно… перестань уже быть тряпкой и просто скажи ей, что чувствуешь.

– Ты в курсе, что мы с Келли друзья? Мне не нужно зама-

нивать ее животными, – напомнил я. – Но собака – не самая дурацкая идея.

Он вскинул руки; к счастью, пиво из бутылки не выплеснулось на диван.

– Боже мой, ты просто жалок. Весь этот твой мрачный, устрашающий образ – сплошное вранье. Даже не можешь сказать девушке, что чувствуешь.

Я улыбнулся и отпил пива. Он выглядел искренне раздраженным, и меня это забавляло.

Она скоро узнает. Но это не то, что я могу оставить на волю случая. Чтобы держать ситуацию под контролем, нельзя торопиться и пропускать шаги. Время решает все. Я обещал Клайду, что позволю ей сделать выбор. Или хотя бы создам иллюзию выбора. Она должна сама прийти к выводу, что Джейсон ей не подходит… но это не значит, что я не могу ускорить процесс.

* * *

После ухода Кэмдена я наконец дозаказал весь рекламный мерч для конвента. Потом проверил квартальную прибыль, чтобы убедиться, что все идет по плану – как обычно, так и было. Когда я закрыл таблицу, последним открытым окном остался календарь салона. На следующей неделе у Келли день рождения. Я почти закончил ее подарок.

Мой взгляд упал на деревянную шкатулку, которую Клайд

отдал мне примерно за месяц до своей смерти. Посмотрев секунду, я снял ее с полки и покрутил кодовый замок, набирая нужную комбинацию из шести цифр. Параметры его покойной жены. Если я не ошибаюсь, они такие же, как у Келли, а она чертовски аппетитная.

У Клайда в кабинете висело много фото Нэнси, сделанных в основном еще до рождения Келли. Сходство матери и дочери поражало. Альберто Варгас, наверное, в гробу перевернулся, что не успел нарисовать ни одну из женщин Эверхарт. Келли – сплошные изгибы и красивое личико, идеальная пин-ап модель.

Я открыл шкатулку. Внутри лежала стопка запечатанных конвертов. Один только вид его почерка бил наотмашь. Он доверил мне эти написанные от руки письма, чтобы я отдавал их Келли по мере ее взросления. Здесь по одному на каждый день рождения, пока ей не исполнится пятьдесят. Он выжал из отведенного ему времени все до капли.

Он рано потерял любовь всей своей жизни, но, несмотря на горе, каким-то образом умудрился в одиночку вырастить потрясающую дочь. Как бы я хотел, чтобы он был здесь и сам вручал Келли эти письма…

Я пролистал несколько конвертов, адресованных не ко дню рождения.

КОГДА КЕЛЛИ ЗАКОНЧИТ ОБУЧЕНИЕ

КОГДА КЕЛЛИ ПРОДАСТ МОЙ ДОМ

Я усмехнулся. Келли никогда не продаст дом; для нее это самое дорогое сокровище, буквально ниточка, связывающая с отцом. Когда я начал читать дальше, мои плечи напряглись.

КОГДА КЕЛЛИ ОБРУЧИТСЯ

КОГДА КЕЛЛИ ВЫЙДЕТ ЗАМУЖ

КОГДА КЕЛЛИ СТАНЕТ МАМОЙ

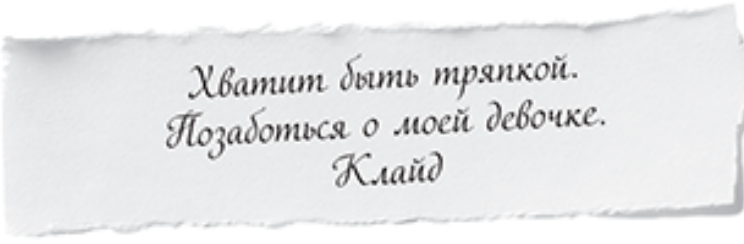
От этих конвертов мне стало не по себе. Лишь несколько месяцев назад я нашел письмо Клайда, где он напоминал: мое время с Келли не бесконечно. Тогда я и понял, что пора действовать. И отправился в Бозмен.

Я не могу остановить ее жизнь, но способен замедлить ее ход и направить в свою сторону.

За стопкой конвертов лежал вскрытый, с надписью:

ДЛЯ ЛОГАНА: КОГДА БУДЕШЬ ГОТОВ ПРИЗНАТЬ, ЧТО Я БЫЛ ПРАВ

В типичной для Клайда манере он дал мне мудрый совет именно в тот момент, когда тот был нужен. Я достал записку и перечитал ее снова:

– Ты поэт, старик.

Убрав письмо обратно в конверт, я вернул его в стопку, закрыл крышку и прокрутил колесики кодового замка. *Держись плана. Будь терпелив.*

Схватив куртку, телефон и картонную коробку с подарком на ее день рождения, я направился к черному ходу для сотрудников. Только начал набирать код сигнализации, как мимо с визгом пронеслась машина и дважды коротко просигналила. Я улыбнулся, покачал головой и достал телефон из кармана, ожидая сообщения. И действительно, она написала спустя всего четыре секунды.

Келли
Поезжай домой!

Я
Уже выхожу.

Келли
Давно пора. Заскочу утром в кофейню. Средний Эрл Грей?

Я
Было бы отлично. Спасибо.

Келли
Спокойной ночи!

Я
Спокойной.

По крайней мере, свидание не закончилось тем, что она осталась у него на ночь. Уже хорошо.

Глава 4. Келли

Натянув пищевую пленку на старую рабочую кушетку отца, я приготовилась тренироваться на искусственной коже. Логан уже пообещал одному из организаторов, что я выставлю работу на конкурс на тату-конвенте в Бозмене через пару недель. Мои работы оценят впервые, и, учитывая, что я дочь Клайда, это, судя по всему, большое событие.

Логан за последние годы получил кучу наград. Он долго учился у моего отца и теперь следит, чтобы мое обучение было таким же основательным. Он потрясающий наставник и учит меня так же, как папа учил его. Мое обучение длится дольше и требует больше усилий, чем у большинства, но имя Эверхарт обязывает: ко мне предъявляют более высокие требования. Мне нужно быть достойной этого наследия.

Если долго об этом размышлять, мысль, что моей первой конкурсной работой станет реализм, серьезно пугает. Поэтому я просто не думаю. Логан убедил меня заткнуть внутреннего критика. Когда я не доверяю себе, то всегда могу довериться ему.

Наполнив все колпачки с краской, я приступила к работе на плоском полотне искусственной кожи. Это совсем не то же самое, что настоящая плоть, но для экспериментов и отработки техник лучше не придумаешь.

Я сняла трафарет, быстро проверила, как лег рисунок; по-

том скользнула взглядом в ту сторону салона, где сидел Логан, и принялась обматывать бинтом рукоятку машинки. То, что у меня есть парень, не мешает мне замечать, насколько привлекателен Логан Теллер. Он сногсшибательно красив и обаятелен. Если честно, теперь, когда мы окончательно задвинули друг друга во френдзону, любоваться им стало даже безопаснее.

Большинство женщин душу бы продали за натуральные блики в его лохматых светлых волосах. Он отращивает их ровно настолько, чтобы можно было провести пальцами и убрать за уши – и чтобы они не мешали, когда он работает. Бороду он обычно аккуратно подстригает, но иногда забивает; небритая, чуть лохматая версия Логана хороша ничуть не меньше.

В уголках его карих глаз собираются морщинки – обычно такие бывают у тех, кто много улыбается, но Логан, скорее всего, обзавелся ими из-за привычки хмуриться. Он более… сдержанный. Лишь избранным выпадает шанс увидеть его потрясающую улыбку, и я имею честь быть в их числе. При росте за метр девяносто он выше меня почти на полторы головы, так что на нем уйма места для тату. Левая рука – яркий лоскутный рукав, работа моего отца; он боготворил его.

Правое предплечье у него забито черным, но от локтя до плеча – чистая кожа. Шея, спина, ноги, живот, грудь – все покрыто рисунками, которые он собирал годами.

Кроме бицепса.

Со стороны он кажется опасным, но я видела его мягкую сторону. Логан предпочитает чай – кофе, книги – телевизору, а масляную живопись – ночным тусовкам. Обожает творчество. Когда он не в салоне, то пишет потрясающие портреты у себя в лофте. Он молчалив, замкнут, и многих это настораживает. Вернее, их смущает его хмурый взгляд. Папа всегда говорил: в тихом омуте черти водятся, но меня это никогда не останавливало, лишь хотелось нырнуть поглубже.

А эти очки? Черт возьми…

– Метеорит, убивший динозавров, тоже был горяч. Работай давай, – пробормотала я себе под нос, возвращаясь к делу.

Краем глаза я заметила, как на стойке засветился телефон, улыбнулась и наклонилась к экрану, чтобы посмотреть, не снимая перчаток. Очередное сообщение от Джейсона.

Джейсон
Думаю о тебе.

Он говорит правильные слова, но я воспринимаю их примерно так же, как открытку со стандартным поздравлением: вроде приятно, но без души. В его словах есть какая-то предсказуемость… но это ведь хорошо, правда? Значит, он стабильный. Отношениям нужна стабильность.

В другом конце комнаты Логан нахмурился, уставившись в планшет. Я знала этот взгляд: он набрасывал эскиз. По очереди прижимал подушечки каждого пальца к большому, изучая экран. Это напомнило мне папу – он тоже вот так пере-

бирал пальцами, когда глубоко задумывался. Логан так походил на него, что становилось даже жутко. Наверное, поэтому они так хорошо ладили.

Оба молчаливые, со своим особым шармом. Им не нужно было говорить, чтобы понять друг друга. Их страсть к искусству и татуировкам чувствовалась в работах, а не в словах. Клянусь, однажды я видела, как они целый разговор вели при помощи хмыканья, кивков и мимики. Между ними с самого начала возникла особая связь. Поэтому папин салон, «Черный Кролик», достался Логану. Когда папа умер, я только начала обучение и не была готова управлять империей. Как и мой отец, он немного грубоват снаружи, но внутри спокоен. Он уверен в себе, и рядом с ним я чувствую умиротворение.

Я приготовилась. В руке ожил гул тату-машинки, я макнула иглу в краску и потянула первую линию.

Клайд Эверхарт – имя, которое в тату-индустрии знает каждая собака; он один из великих, в одном ряду с Норманом Коллинзом, Риком Уолтерсом и Стоуни Сент-Клэром. Салон стоит миллионы, но Логана всегда прежде всего интересовало искусство, а не прибыль. Я немного удивилась, что часть собственности не отошла мне, но то, что Логан взял на себя управление, вполне логично. И потом, я больше никому бы не доверила продолжать дело отца. Когда-нибудь я надеюсь стать совладелицей, но сначала хочу закончить обучение и несколько лет оттачивать мастерство.

Мне было двенадцать, когда отец застал меня за тем, как я, сгорбившись и стиснув зубы, прижимала иглу к собственной коже. Он не стал кричать. Просто сел рядом, забрал у меня машинку и помог доделать цветок на икре. А потом дал антибиотики и запретил мне даже смотреть в сторону тату-машинок, пока я не закончу колледж.

После выпуска я вернулась домой и начала учиться на тату-мастера. Папа был моим первым учителем, но ему диагностировали рак легких четвертой стадии. Давали четыре месяца, а он прожил еще шесть. Я уговаривала его лечь на лечение, но он отказался. Думаю, просто был готов снова увидеть маму. Уроки продлились всего несколько месяцев, а потом его не стало. После этого я долго не могла заставить себя даже зайти в салон.

Я почувствовала, как со спины надо мной повисла фигура Логана.

– Как тебе? – спросила я.

– Хороший шрифт, – тихо отозвался он, разглядывая татуировку с двумя кулаками, на костяшках которых было выведено *БУРР* и *ИТО*.

– Это должно быть смешно.

– Это смешно, – констатировал он.

– Ага, вижу, ты просто ухохатываешься.

Он тихо хмыкнул, и я вернулась к работе. Часы с Логаном после закрытия – мои любимые. Бывает, мы болтаем до раннего утра, не глядя на время. Но удовольствие приносили и

те вечера, когда мы просто молча работали рядом. С ним всегда легко. Возникшая между нами платоническая близость была особенной; мы друг для друга – нечто такое, чего большинству не понять. Иногда я и сама не понимала.

Мне следовало бы меньше полагаться на Логана, но, когда наступает черная полоса, я иду именно к нему. Он дает мне прожить все, что я чувствую, и разобраться в себе без спешки. Рядом с ним мне не бывает неловко, даже когда я на эмоциях. Он уже раз сто помогал мне перебирать папины вещи. А иногда он вообще приходит без приглашения: у него чутье на те моменты, когда я сижу на чердаке и мне нужно, чтобы кто-то был рядом.

Плюхнувшись на крутящийся стул у рабочего места Каспера, Логан придвинулся ко мне. *Почему от него так чертовски хорошо пахнет?* Он указал подбородком в сторону моего телефона, который снова засветился на стойке.

Жужжание моей машинки заполнило тишину. Я почти слышала ту колкость, которую он держал за зубами.

– Опять дуется? – наконец спросил он, даже не пытаясь скрыть раздражение в голосе.

Я усмехнулась и покачала головой. *Провокатор.*

– Твое высокомерие уже просачивается наружу.

– А кто сказал, что я его прячу? – Логан подался вперед, опираясь предплечьями на колени, и стал следить за моей работой.

– Скажи-ка… – начала я. – Когда Джейсон въехал в твою

голову на халяву, ты там уже мебель расставил или так, пустую комнату сдал?

– Я тараканов не пускаю.

Да что с ним такое?

– Ну ни хрена себе, – протянула я. – Полегчало?

– Полегчало. Спасибо, что спросила.

Я фыркнула:

– Господи, Логан. Не хочешь заодно поиздеваться над его внешностью?

– Я бы с радостью, но его прическа меня опередила.

Чего? Херб с Логаном тайно встречаются у меня за спиной? Я закусила губу, отказываясь смеяться над этим совпадением… Хотя стрижка и правда так себе. Уголок моих губ дернулся, и от Логана волнами поперло самодовольство.

Джейсон не идеален, но, блин, дайте парню шанс.

– Прямо вижу, как он оскорбил парикмахера…

– Логан! – рявкнула я, резко обернувшись и ткнув в него пальцем в перчатке. – Хватит быть козлом.

Обычно он не начинает этот разговор первым, но за состоянием моих отношений следит неусыпно. Эдакий старший брат. Зная папу, он наверняка взял с Логана обещание за мной приглядывать, а теперь Логан выполняет задание слишком рьяно.

– Он не…

Я его перебила:

– Слушай, я годами встречалась с кем попало, развлека-

лась, но сколько можно? Это были временные интрижки. Я хочу любви, как у моих родителей. Необязательно, чтобы роман был как в кино, с пафосными жестами и фейерверками. Лучшие отношения – это те, которые не заканчиваются. Все эти бенгальские огни рано или поздно гаснут. У нас с Джейсоном все по-взрослому, и нам не нужна показушная мишура – у нас есть кое-что получше. Джейсон хороший. У него есть цели. Он ответственный. Он отвечает на сообщения. Он спрашивает, как прошел мой день…

– Он спрашивает, как прошел твой день? Ничего себе, дайте мужику медаль!

Его слова так и сочились ядом.

По всем параметрам Джейсон – находка, так какого же черта Логану нужно постоянно критиковать наши отношения? Он никогда так со мной не враждебничал. В прошлом я встречалась с козлами, и Логан даже бровью не вел. А теперь, когда у меня появилось что-то сносное, он решил меня подкалывать?

– То, что ты не хочешь любви, не значит, что ее не хотят остальные, – огрызнулась я.

Он сжал челюсть, сверля меня взглядом. Надеюсь, он видел в моих глазах ту же ярость, что я – в его. *Черт, мы что, ссоримся?* У меня нет на это времени. Я вернулась к татуировке, не желая, чтобы раздражение мешало работе.

– Как настроение перед конвентом? – спросил он, будто предлагая перемирие.

Я глубоко вздохнула, досчитала до десяти и только потом ответила.

– Волнуюсь.

Я бывала на конвентах и раньше, но в этот раз впервые выставляю работу на суд жюри.

– Почему?

Он знает почему.

– Потому что от меня ждут, что я буду на уровне отца. А это невозможно.

Моя фамилия принесла мне много подписчиков в соцсетях, где я выкладываю работы. Но в комментариях вечно полно незнакомцев, сравнивающих мои рисунки с папиными.

Логан молчал, и я продолжила:

– Вся индустрия разглядывает меня под микроскопом. Меня обвиняют в том, что я выезжаю за счет его имени, и в каком-то смысле это правда. Но я хочу, чтобы меня судили по собственным заслугам. Да, для всех он Клайд Эверхарт, но для меня он всегда был папой. То, что я его дочь, не значит, что я могу тягаться с легендой. Я и не хочу.

Я выдохнула.

– Я застряла где-то между желанием выделиться самой и необходимостью продолжать его дело. Идти по его стопам, чтобы он гордился. Но, черт возьми, в его ботинках не так-то просто ходить.

– А что говорил тебе Клайд?

– Говорил позволить искусству вести. Игнорировать критиков и творить для себя.

– Так и делай. Ты не можешь контролировать, что говорят или делают другие. Просто занимайся своим делом. Если примут хорошо – отлично. Если нет – ну и пошли они.

– Мне от этого не легче.

Он рассмеялся.

– Ладно, оставим это. Слушай, у меня есть идея, – объявила я, желая сменить тему. – Давай я погадаю тебе на Таро.

Мне правда интересно, что карты скажут о Логане.

– Да ну? И зачем?

– Ну, во-первых, это поможет тебе что-нибудь прояснить.

– А во-вторых?

Я пожала плечами:

– Возможно, наладит твою личную жизнь.

Он застонал:

– Может, вернемся к тому, что ты на меня злилась?

– Я просто хочу сказать… вдруг у тебя под носом кто-то есть, а ты не видишь, потому что не знаешь, на что смотреть. Упускаешь шанс.

Он молчал. Я подняла глаза и увидела, что он уставился на меня. Не поймешь: то ли он слушает, то ли рисует в голове новый эскиз.

Типичная творческая натура. Я вернулась к работе, оставив его в покое. Но он вдруг спросил:

– А кто сказал, что у меня никого нет?

Я усмехнулась и быстро довела линию до конца, чтобы дрожащие плечи не испортили татуировку.

– Да все, – ответила я. – Ты же не вылезаешь из салона. Превращаешься в настоящего затворника, чувак.

– Я закоренелый холостяк.

– Ты дал обет безбрачия, – поддразнила я. *Интересно, когда у него в последний раз был секс?*

– У меня были отношения.

– Ключевое слово – *были*. А что насчет той девушки, с которой ты встречался, пока я была в Нью-Йорке? Что с ней случилось?

– Мы расстались.

Я ждала, что он хоть что-то добавит, но он молчал. Логан никогда не вдавался в подробности своих отношений, а я не лезла. Он не делится со мной этой частью жизни. Я уважала его личное пространство, но иногда это казалось немного несправедливым – я-то рассказывала ему все.

– То есть один неудачный разрыв – и ты завязал на всю жизнь?

Иногда мне казалось, что под этой жесткой оболочкой скрывается одиночество. Всем нужно чувствовать, что их любят.

Я подумывала познакомить его с кем-нибудь из подруг, но что-то внутри меня противилось этому. Не то чтобы я желала ему несчастья, просто никто из них не был достаточно хорош. Та, кому суждено завладеть его сердцем, должна

быть лучшей, достойной моего одобрения. Видимо, я тоже его немного опекаю.

И все же любовь пошла бы ему на пользу. Кто-то, кто помог бы ему иногда расслабляться, показывать миру ту легкую сторону, которую он открывает только мне. А впрочем, может, ему просто надо завести собаку.

– Не сказал бы, что завязал. Но лучше быть одному, чем не с тем человеком.

Глядя на меня, он осуждающе приподнял бровь.

– Я понимаю, что Джейсон тебе не нравится, – выдохнула я. – Но он первый реально нормальный парень из тех, с кем я встречалась. С чего ты так взбесился?

– Просто ты заслуживаешь лучшего.

Меня охватило раздражение, и я заставила себя расслабить руки, чтобы это не повлияло на хватку.

– Ну, хорошо, что тебя не спрашивают, с кем мне встречаться.

Он усмехнулся и пробормотал что-то неразборчивое.

– Так можно я тебе погадаю? – Я состроила самую жалобную мордашку. – Ну пожалуйста. Будет весело.

Он выдохнул:

– Ладно.

Есть! Я выключила машинку и отложила ее в сторону.

– Не сию секунду. Господи. Закончи сначала, а там посмотрим.

Почти готово. Я вела линию по искусственной коже, стараясь следить, чтобы скорость, глубина и нажим оставались ровными, а контуры выходили точными и аккуратными. Тонкая работа требует тщательности и твердой руки. В этом есть что-то медитативное.

Я промокнула лишнюю краску и продолжила набирать цвет, внимательно следя за тем, как рисунок складывается воедино. Когда работаешь с живым человеком, постоянно следишь, как кожа принимает пигмент, как идет заливка, стараешься сделать все идеально. А с искусственной кожей не надо думать, комфортно ли клиенту, так что мысли могут бродить где угодно.

Закончив, я откинулась назад и окинула татуировку взглядом, выискивая огрехи. Подправила два слабых места, но в целом линии вышли чистыми и ровными.

Я почувствовала его присутствие за спиной.

– Видишь что-нибудь? – спросила я, не отрываясь от рисунка и проходясь по каждой детали.

– Не-а.

Он положил ладонь мне на плечо и подался вперед, другой рукой показывая на отдельные места.

– Хорошая детализация. – Он указал на пару складок, которые я добавила на костяшки, и, как всегда, три раза сжал плечо. – Отличная работа.

– Спасибо. – Кивнув, я отложила машинку и стянула перчатки. – Ну что, готов погадать?

Он вздохнул:

– Если ты настаиваешь… Но только потому, что знаю: ты слишком упрямая и не примешь отказа.

Я улыбнулась:

– Рада, что ты выбрал мир. Спорить со мной – выматывающее занятие.

– Знаю, – отрезал он.

Я с рекордной скоростью навела порядок на рабочем месте и разобрала машинку, чтобы почистить. Мне не терпелось погадать этому самопровозглашенному закоренелому холостяку.

Протерев стол, я жестом пригласила его сесть напротив, а сама пошла за картами. Когда я села, он закатал рукава свитера до локтей, обнажая мощные татуированные предплечья, от которых я с трудом могла оторвать взгляд. Логан взял у меня колоду; в его огромных ладонях она выглядела игрушечной.

– Перетасуй и сними, – скомандовала я. – Но пока тасуешь…

– Знаю, знаю, – протянул он. – Думать о конкретном вопросе. Иди положи все в автоклав, я справлюсь.

Я не возражала. Усмехнувшись, он разделил колоду надвое, а я собрала инструменты и отправилась в стерилизационную в подсобке. Жужжание автоклава заглушало шорох карт, разносившийся по пустому салону.

Когда я вернулась, карты уже аккуратной стопкой лежали

в центре стола.

– Я тасовал с особой мистичностью.

Я метнула в него острый взгляд, а он в ответ озорно сверкнул своими карими глазами.

– Это сильная колода. Она не любит, когда над ней насмехаются, – предупредила я.

Он прижал руку к сердцу.

– Я бы не посмел.

– Какой у тебя вопрос?

Его лицо стало серьезным. Я подалась вперед в ожидании ответа.

– Будет ли у меня изжога от того, что я съел на ужин?

Потянувшись через стол, я ткнула его в грудь.

– Серьезней. Ты придумал нормальный вопрос?

– Да. – Он улыбнулся, явно довольный собой.

Я уставилась на него:

– И?..

– Должна ли Келли расстаться со своим парнем?

– Логан!

– На этом я и сосредоточился. Что теперь поделать.

Скрестив руки на груди, он кивнул на карты.

– Давай, посмотрим, что скажет твоя сильная колода.

Я закатила глаза. Мне хотелось совсем не этого. Я понимала, что Джейсон ему не нравится, но это просто впустую потраченное гадание. У нас с Джейсоном все серьезно, и я точно знала, что сейчас карты поставят Логана на место.

Первый аркан – ситуация. Я выложила Двойку Мечей, говорящую, что дела идут не очень гладко. Ладно, не лучший старт. Вторую карту я положила горизонтально поверх первой, образуя крест. Это препятствие, которое влияет на ситуацию. Семерка Кубков – слишком много иллюзий и надежд на лучшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.